

И.И. Панаев

**Первое полное собрание
сочинений**

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.И. Панаев**
Первое полное собрание сочинений: Том 1-2 / И.И. Панаев – М.: Книга
по Требованию, 2018. – 960 с.

ISBN 978-5-517-98437-1

ISBN 978-5-517-98437-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ив. Ив. Панаевъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

1834 — 1840.

МОСКВА. — 1912.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1834. Спальня свѣтской женщины. Эпизодъ изъ жизни поэта въ обществѣ .	1
1836. Она будетъ счастлива. Эпизодъ изъ воспоминаній петербургской жизни.	47
1837. Сегодня и завтра. Повѣсть	108
1838. Кошелекъ. Сцены изъ петербургской жизни	153
1839. Какъ добры люди! Разсказъ	195
1839. Дочь чиновнаго человѣка. Повѣсть	219
1840. Раздѣлъ имѣній. Отрывокъ	293
1840. Бѣлая горячка. Повѣсть	322

СПАЛЬНЯ СВѢТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

(Эпизодъ изъ жизни поэта въ обществѣ.)

Посвящается В. П. Панаеву.

I.

.....
Что жъ сердце юноши трепещеть?
Какой заботой онъ томимъ?

Александръ Пушкинъ.

Въ свѣтлый и теплый день апрѣля мѣсяца 183* года. въ началъ 3-го часа, Незскій проспектъ суетился толпами пѣшеходцевъ, гремѣлъ скачущими экипажами и чопорно красовался вывозною мишурностью своего убранства, на которое глядѣло гордое солнце, съ истинно-русскою щедростью разсыпая золото лучей своихъ. Пестрота, переливъ красокъ, пронзительные крики форейторовъ, карканье разнозчиковъ, стукъ колесъ, хлопанье бичей, громъ барабана и пискъ флейты, возвѣщавшіе окончаніе развода, — все это съ перваго взгляда очаровывало зрѣніе и пріятно отзывалось въ ухахъ новопріѣзжаго провинціала. было такъ привычно слуху безсмѣннаго жителя столицы...

«Пади! пади!» — грозно кричалъ плечистый и длиннородый кучеръ, ловко управлявшій парюю статныхъ коней, запряженныхъ въ щегольски отдѣланную коляску... «Пади!» повторялъ онъ; но молодой человѣкъ, къ которому относилось это громозвучное *пади*, будто окаменѣлый, стоялъ посреди улицы. Стремительный бѣгъ коней угрожалъ ему рѣшительной гибелью, — одна минута — и онъ былъ бы раздавленъ.

какъ вдругъ кто-то сзади схватилъ его за руку и оттащилъ въ сторону. Онъ обернулся. То былъ адъютантъ съ плутовскимъ взглядомъ, съ проницательною улыбкою и съ блестящимъ аксельбантомъ.

— Что съ тобой. Громекинъ? тебя, милый, раздавятъ, — сказала онъ дружески молодому человѣку, подводя его къ тротуару. — Безпечно мечтать можно только въ своемъ кабинетѣ.

Тотъ будто очнулся отъ сновидѣнія. протеръ глаза, взглянулъ на своего избавителя, не произнеся ни слова, крѣпко сжалъ ему руку и исчезъ въ толпѣ...

Съ перваго взгляда этотъ молодой человѣкъ не былъ замѣчательнъ. Довольно мѣшковатая одежда его придавала ему странный, даже, если хотите, смѣшной видъ, а шляпа съ широкими полями бросала грубую тѣнь на лицо. Походка его была скоро, связана неловкостью и не рассчитана модою. Но если бы вы взглянули на него въ ту минуту, когда онъ, пробѣжавъ до своей скромной квартиры, на углу Итальянской улицы, съ быстротою помѣшаннаго, усталый, кинулся на диванъ, сбросивъ свою шляпу, — о! васъ вѣрно поразили бы благородныя и привлекательныя черты его, несмотря на то, что онъ выражали какое-то необыкновенное разстройство и были напряжены усталостью.

— Это опять она! — произнесъ онъ съ энергическимъ восторгомъ, съ дикою радостью, какъ человѣкъ, долго искавшій чего-то и наконецъ нашедшій желанное.

— Это опять она! — повторялъ онъ — и черныя глаза его сверкали ослѣпительнымъ заревомъ страсти, и длинныя кудри темныхъ волосъ его распадались въ завидномъ безпорядкѣ...

Ему было не болѣе 20-ти лѣтъ!..

Читатели вѣрно не удивятся, если узнаютъ, что поразило его до такого окаменѣнія и едва не подвергло безвремнной смерти. То была, говоря изобрѣтательнымъ языкомъ свѣтскаго человѣка, очаровательная, какъ поцѣлуй, соблазнительная, какъ грѣхъ, задумчивая, какъ мечта, головка женщины, едва отъѣненная легкою блондою шляпкой и граціозно

высунувшаяся изъ окна богатой кареты, которую мчала четверня. Головка, которая уже въ третій разъ являлась юношѣ, какъ роскошное сновидѣніе, и которая такъ жестоко вскружила ему голову!..

Въ мучительномъ и отрадномъ волненіи провелъ онъ весь этотъ день; а ночь утопалъ въ волнистой, усладительной грезѣ или вздрагивая отъ страшнаго замиранія сердца... То передъ нимъ разстилался необозримый садъ съ невиданною роскошью цвѣтовъ, между кочки была всѣхъ привлекательнѣе, всѣхъ душистѣе пышная роза. Онъ хотѣлъ сорвать эту розу, но стебелекъ ея вырывался изъ рукъ его, а роза росла, росла, — и вдругъ сладострастно раскидывалась передъ нимъ чудною незнакомою, идеаломъ души его... То бурное море плескало у ногъ его съ воплемъ гибелли — и изъ своей бездонной челюсти выкидывало трупъ женщины. И эта жепщина была все *она*, она, далекая отъ него, невѣдавшая объ немъ, но такъ давно знакомая его распалывшемся воображенію! она, — поэтическая греза его фантази, вырвавшейся на свободу. Она, — божество, передъ которымъ, колѣнопреклоненный, онъ залепеталъ первую гармоническую молитву!..

Но мы оставимъ до времени разложеніе внутренняго быта героя нашей повѣсти и перейдемъ къ наружному, въ нетерпѣннѣйшій короче познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Викторъ Громскій почти не знаетъ своихъ родителей. Онъ лишился ихъ въ такіе годы, когда не могутъ чувствовать ниолги муки этой потери. Порой, какъ съвозъ фату сновидѣнія, мелькалъ передъ нимъ легкой тѣнью образъ его матери, простиравшей къ нему съ любовью руки; порой съ неизъяснимою прелестью рисовались передъ нимъ сцены изъ его дѣтской жизни: старая его няня съ очками на носу, съ платкомъ на головѣ, скрывавшимъ ея сѣдые волосы, съ чулкомъ въ рукахъ, съ чудною сказкою въ устахъ, прерываемой брюзгливымъ ворчаніемъ при спусканіи петель; портретъ Кульнева съ длинными страшными усами, украшавшій обитыя пестрыми обоями стѣны гостиной, вмѣстѣ съ какими-то другими портретами, портретъ, который болѣе всѣхъ впечатлѣлся

въ памяти юноши, потому что имъ пугали его дѣтское воображеніе, стараясь предупредить отъ шалостей, и который замѣнялъ ему страданье трубочникомъ. Но воспоминаніе обо всемъ этомъ безотчетно и прихотливо пробѣгало по струнамъ его сердца, не извлекая полного потрясающаго аккорда. Онъ не зналъ даже, что эти наивныя сцены первыхъ беззаботныхъ сознаній его бытія разыгрывались въ небольшомъ домикѣ небольшой деревни его матери, въ одномъ изъ уѣздовъ П** губерніи. Ему передали объ этомъ послѣ. Яркая, благодѣтельная, часто неумолимая память вполнѣ начала освѣщать его только съ пребыванія въ Петербургѣ. Его привезли туда 9-ти лѣтъ для того, чтобы опредѣлить въ казенное заведеніе учиться, а учиться для того, чтобы, не прешняясь чиномъ титулярнаго совѣтника въ силу Указа, прямо быть произведену въ коллежскіе ассессора, безъ рокового экзамена на 40-лѣтнемъ возрастѣ жизни; къ тому же, какія удивительныя привилегіи: прямо чинъ 10-го класса при вступленіи въ службу!.. Это необъемлемо роскошная мысль для провинціального чиновника.

Время отъ складовъ азбуки до *окончанія полнаго курса наукъ по аттестату* казалось другимъ вѣчпостію, ему — мгновеньемъ. Въ 16 лѣтъ, при громѣ музыки, при многочисленномъ собраніи посѣтителей, ему вручили аттестатъ — и распахнули передъ нимъ широкую парадную дверь, за которой манила его свобода и роскошно соблазняла своими объятіями.

Папсіонскія занятія его были слишкомъ ограничены для полнаго дарованія. Онъ стремился въ даль, онъ жаждалъ познаній и, неудовлетворенный, часто наказанный за опрометчивость, пристыженный товарищами, которые называли его *выскачкой*, — онъ горько плакалъ!..

Одно изъ укорительныхъ словъ, неразлучно связывавшихся съ его именемъ — было *поэтъ*. Такъ величали его школьные товарищи съ насмѣшливой улыбкой, потому что порой заставляли молодого человѣка задумавшагося надъ клочкомъ бумаги съ сверкающими очами, съ восторгомъ самозабвенія въ выразительныхъ чертахъ лица!

— Что, у кого украсть? у кого выписаль? — съ хохотомъ кричали школьники, вырывая у него этотъ клочокъ, который онъ готовъ былъ защищать, какъ свое единственное сокровище.

Шумъ, громъ, непstopыя забавы дѣтства никогда не запугывали его въ тѣсный кружокъ свой. Отъ этого онъ былъ нелюбимъ большею частію своихъ товарищей. — Лѣстуха! — дразнили его нѣкоторые, — трусь! — кричали другіе... — Да онъ фискаль! — съ таинственностію прибавляли третьи.

Громскій не оскорблялся всѣми этими титулами, которыми такъ щедро награждало его безразсудное и беззавѣтное дѣтство. Онъ былъ выше ничтожныхъ и неотразимыхъ мелочей ученическаго быта. Онъ уже тогда начиналъ жить въ другомъ мірѣ, въ заманчивомъ мірѣ воображенія, который онъ населилъ по своей прихоти очаровательными въ поэзіи, необычными въ существенности, образами. Съ этими образами онъ любовно сжился — и думалъ всегда роскошно лелѣять ихъ у своего горячаго сердца. На нихъ онъ создалъ впоследствии смѣшное и шаткое, высокое и прекрасное понятіе объ обществѣ!..

Несмотря на свою любовь къ одинокости и уединенію, онъ, съ свойственною благороднымъ душамъ пылкостию, жаждалъ дѣлиться чувствами и мыслями съ другимъ существомъ. Чувства и мысли переполняли его и вырывались наружу, будто пѣна кипящей влаги, льющейся чрезъ край бокала.

Между всѣми товарищами своими онъ давно отличалъ одного, — и этотъ одинъ безъ зова подалъ ему руку, и онъ крѣпко сжалъ ее въ знакъ согласія. Они прежде были раздѣлены классами, потомъ соединились въ одномъ и еще лучше поняли другъ друга. Съ той минуты они были неразлучны.

Графъ Вѣрскій, надѣленный способностями, гибкимъ умомъ, привлекательною наружностью, граціозный и ловкій сыздѣтства, самодовольный знатностию своего рода, не упускавшій изъ виду мелкихъ блестящихъ образованія и умѣвшихъ, несмотря на свою молодость, понимать въ другихъ без-

корыстное стремление къ познанію науки, любившій гармонію поэтическихъ звуковъ, по противоположностямъ, такъ часто сходящимся въ природѣ, сошелся съ дикаремъ Громскимъ. Онъ подмѣтилъ въ немъ рѣзкій, хотя и нелюдимый умъ, и провидѣлъ пылкое дарованіе.

Съ этой минуты въ товарищи Громскаго перемѣнили свое насмѣшливое обращеніе съ нимъ, потому что они имѣли высокое понятіе о графѣ, а графъ сдѣлался его открытымъ другомъ.

Тотъ, чье воспитаніе выбѣгало одинокой струей изъ-за четырехъ угловъ домашней комнаты и, упавая, сливалось съ шумящими безчисленными струями истока, стремящагося съ силою вдаль въ безграничное и неисчерпаемое море просвѣщенія, или, выражаясь проще и вѣрнѣе по-русски, кто выпякивалъ въ общественномъ заведеніи время до полученія привилегированнаго аттестата, тотъ хорошо знаетъ, что такое школьная дружба и школьное первенство, рѣзко отличающее почему-нибудь одного передъ десятками товарищей.

Школьная жизнь есть тѣсная рама будущей обширной жизни; литографированный листъ бумаги, въ жалкихъ размѣрахъ сплясшейся представить огромную картину великаго художника. На этомъ листѣ вы не видите ни бури души, ни молніи вдохновенія, ни восторга, который уноситъ художника какъ легучую звѣзду въ объятія необъемлемаго неба, или, съ гигантскимъ свѣточемъ, низвергаетъ въ тьму преисподней; на этомъ листѣ только одинъ абрисъ, только одинъ очеркъ, только одна легкая тѣнь; но, несмотря на это, вы все-таки по немъ будете имѣть слабое, хотя запутанное, и изглаживающее понятіе о чудномъ величій картины!

Школьная жизнь — это клубокъ нравственныхъ силъ человѣка, который со временемъ, по волѣ всемогущей судьбы — или развертываетъ вполне безконечную нить свою, или останавливается на половинѣ, или иногда остается вовсе неразвернутымъ. Страшная игра! Судьба прихотливо и беззавѣтно, съ улыбкой забавы, держитъ въ рукѣ этотъ клубокъ — и небрежно бросаетъ его съ большою или небольшою сплю!

Куда же укатывается онъ!

Бѣдные! мы съ трепстомъ безумнаго ожиданія, въ нетерпѣнн юности, хотимъ, чтобы этотъ клубокъ катился вдаль, чтобы онъ развернулся скорѣе, и не заботимся, по какому направленію побѣжить онъ. Мы жаждемъ и ищемъ впечатлѣннй, спѣшимъ мѣнуть и въ раму 20-ти лѣтъ вмѣстить тяготу 40-лѣтней опытности.

Замѣйте: съ самыхъ юныхъ и несознательныхъ лѣтъ, начиная играть съ неизмѣримою книгою жизни и перебирая листы ея, мы невольно, если хотите, инстинктивно, останавливаемся на самыхъ заманчивыхъ главахъ этой книги. Слова: *дружба*, *любовь* — такъ утѣшительно ластятся около нашего воображенія, которое съ каждымъ днемъ раскрывается сильнѣй и сильнѣй; такъ манитъ наше любопытство, что мы уже начинаемъ мечтать объ осуществленн этихъ словъ. Эти слова дѣлаются для насъ новыми игрушками — и мы съ жаромъ принимаемся обновлять ихъ: мы ищемъ друга, еще не понимая значенія сего слова и, кажется, находимъ его, создаемъ въ головѣ своей предметъ любви и обожаемъ его. Это забавная игра въ дружбу и любовь!

Въ школьной жизни вы встрѣтите всего человѣка въ миниатюрѣ, съ его честолюбіемъ, гордостью, самоотверженіемъ, эгоизмомъ. Отсюда проявленіе политической дѣятельности, заключенной въ четырехъ стѣнахъ классной комнаты; сила временщиковъ и низость льстецовъ, партій, беспорядки и проч.

И все это, повторяю, не болѣе, какъ игра въ куклы!

Вѣрскій былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ временщиковъ — и его товарищи робко преклонялись передъ нимъ. Онъ былъ мускулетъ, сиденъ и вмѣстѣ съ этимъ статенъ и ловокъ. Качества, почти несоединимыя и всего болѣе замѣчательныя въ лѣта развитія... Сила всегда заставляеть трепетать безсильныхъ, а тотъ, передъ кѣмъ мы трепещемъ, невольно дѣлается нашимъ идоломъ. Физическая сила — есть единственная аристократія пансіонскаго міра; другой въ немъ не существуетъ. Товарищи Вѣрскаго никогда по называли его графомъ, всегда силачомъ-Вѣрскимъ. — Дружба его была

значительна, и слѣдствія такой дружбы благодѣтельны для Громскаго: его перестали дразнить именемъ *поэта*; это имя придавали ему попрежнему, но съ уваженіемъ, стали даже находить въ немъ множество другихъ достоинствъ, которыхъ не хотѣли замѣчать прежде, и съ гордостію присвоивать себѣ его рѣзкія, хотя часто опрометчивыя сужденія о предметахъ.

Поэтъ-Громскій и сплачъ-Вѣрскій были всегда вмѣстѣ:— и во время отрадныхъ гуляній, и во время мимолетныхъ повтореній, и въ классахъ на безконечныхъ и монотонныхъ лекціяхъ профессоровъ. Дружба ихъ не колебалась.

Оставалось полгода до ихъ выпуска.

Въ одинъ вечеръ послѣ ужина, въ половинѣ 10-го часа вечера, Громскій, одинокій и задумчивый, сидѣлъ въ классѣ. На длинномъ и высокомъ столѣ, окрашенномъ темно-зеленою краскою, стояла въ низкомъ оловянномъ подсвѣчникѣ нагорѣвшая свѣча, едва освѣщая глубокую комнату. Въ послѣднее время дозорные взгляды товарищей начали подмѣчать, что Громскій какъ бы старался убѣгать своего друга; что онъ чаще прежняго уединялся и становился задумчивѣе.— Тихомолкомъ шли разные толки; вслухъ еще ничего не говорили.

Дверь скрипнула, Громскій вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ молодой графъ.

— Что съ тобою, Викторъ?—безпечно произнесъ онъ, зѣвая...—Вотъ уже три недѣли, какъ не одинъ я замѣчаю въ тебѣ страшную перемену. Уже не грядущій ли экзамень заставляетъ тебя задумываться? Право, тебѣ нечего бояться тупой фѣрулы профессора.

Викторъ горько улыбнулся.

— Ты слишкомъ мало знаешь меня,—возразилъ онъ,—иначе не вытаскивалъ бы грусти моей изъ такого мутнаго источника... Къ тому же развѣ моя задумчивость диковинка?—развѣ я въ первый разъ бѣгу отъ шума и зажимаю уши отъ пусторѣчья? Мнѣ можно задумываться о будущемъ: передо мной еще лежитъ много труда: о-бокъ съ трудомъ долженъ я итти въ жизни, чтобы продлить существованіе. Тебѣ извѣстно: я *бѣденъ!* я не имѣю имени въ свѣтѣ...